

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лала поворошила палкой робкий, неумело разведенный костер. Он давал много едкого дыма, будто стремился оправдать свою бесполезность. Черный мокрый лес глотал этот дым и чавкал, скрипел, шипел. Лала никогда прежде не уходила из замка так далеко, но она не боялась лесной тьмы. Она вообще ничего не боялась в жизни, кроме змей и капитана Ростера. А теперь Ростера нет. Его плащ, в котором он вечно путался, едва доставал ей до колен. Ужасно неудобно, но за своими вещами она не успела зайти. Бежать нужно было немедленно, пока слуги не нашли труп. Она прикрыла глаза, даже не пытаясь прогнать воспоминания. Это бесполезно. Нужно просто переждать.

Еще утром жизнь ее была проста и предсказуема: работа на скотном дворе до заката, скупой ужин и цветные сны,

которые никогда не запоминаются. Так проходили все дни, сколько она себя помнила. Пока была жива травница Асма, Лале удавалось иногда помогать той со сбором растений, читать книги и слушать невероятные истории про давние времена. Но Асма умерла, и Лала, чужая, бесправная и не похожая ни на кого рабыня, лишилась единственного покровителя в замке. Девочку дразнили дети и шпыняли взрослые, она сильно сутулилась, потому что была намного выше сверстников, и всегда смотрела в пол, потому что «такие жуткие глаза бывают только у дикой рыси». Кто-то предположил, что она ведьма, но Лала была такой молчаливой, покладистой и работающей, что историю с ведьмовством забыли. Разве что иногда кухонные девки обливали помоями, да глупые грязные малыши с визгом бегали от нее по скотному двору.

А потом в замке появился капитан Ростер, брат хозяйна. Капитан заметил худющую девочку-подростка вечером в конюшне, где почти не было света и совсем не было людей. Капитан был пьян, а Лала тогда не знала, что делают мужчины, оставшись наедине с женщинами. Он развернул ее лицом к стене и приказал молчать, хотя сам громко хрипел. Было больно, страшно и непонятно. Тогда, в конюшне, Лала и представить не могла, что ей слушать эти булькающие хрипы не раз и не два.

Знакомство с одноглазым пиратом — а Ростер был именно пиратом, что бы он про себя ни говорил, — изменило ее жизнь. Наведывался в замок он редко, много пил и сутками закрывался в комнате с Лалой, творя непотребства. Но у этого насилия была своя мрачная польза: Лалу не трогал ни один мужчина в замке, где высоких нравов отродясь не знали. А еще ее не секли за провинности — Ростер сказал, прирежет любого, кто испортит кожу его девки. Он так и звал ее: Моя Девка, и привозил вкусные подарки. Лала боялась его — все слуги боялись. Даже сам хозяин не говорил ему ни слова поперек.

Татуировку ее Ростер заметил не сразу. Тонкая коричневая змейка слабо выделялась на смуглой ягодице. Лала не смогла ему ответить, откуда это. Она не помнила раннего детства, не помнила, как и когда очутилась в замке с такими непохожими на нее людьми. Старая Асма не могла ей помочь — только и сказала, что малышку привезли из Этолы, где купили у чынгырских матросов вместе со всякими заморскими диковинками. Никто в замке прежде не видел и даже не слышал о таких, как Лала. И она, как ни искала, как ни спрашивала, тоже не находила следов своего народа.

До сегодняшней ночи.

Ростер откинулся на подушках и потребовал вина. Лала пошла к столу, чувствуя голой спиной его взгляд, липкий и похотливый. Низкий голос словно полз по ее коже:

— А знаешь, рыжая, ты не одна такая уродина во всем свете. Да-да! Видел я недавно еще одного. На западе, в Этоле. Он еще выше тебя. Был. — Ростер хохотнул и сделал глоток. — Похож, как брат единокровный. Мы с парнями хорошо уже выпили. Я и спросил, нет ли такой же змеи у него, пониже спины. Он сразу за кинжал схватился. Дурак. Нас-то семеро. Ну и порезали его. Правда, он с собой двоих моих матросов прихватил и Дукера покалечил, скотина. А когда околел, задрал я ему балахон — и точно! Такая же змея, как у тебя на заднице. Вот ведь как бывает.

У Лалы в горле захлопнулась стальная дверь — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Десять шагов от стола до кровати она шла целую вечность. И всю эту вечность старалась придать лицу спокойно-любопытное выражение. У нее получилось. Или Ростер был настолько пьян и доволен собой, что ничего не заметил. А Лалу жег изнутри гудящий огонь. Где-то на свете живут высокие рыжие люди с глазами дикой рыси — значит, она не одинокая уродина! Воздух наконец попал в грудь, и она выдавила:

— Надо же, как интересно! Расскажите еще, господин. Я люблю слушать ваши истории.

Ростер глотнул вина и жестом показал ей, что нужно сделать, чтобы услышать продолжение. Лала сделала. Она делала все, что он прикажет, и даже не думала ослушаться. Никогда.

— Я захотел понять, что это за урод, и один старик проболтался: мол, где-то за морем, еще западнее, есть пустыня, которую все обходят стороной. Там самые ядовитые змеи, неразговорчивый народ и лучшие самоцветы, которые невозможно забыть. И якобы там живут именно такие вот длинные люди, как ты и тот дурак.

Он замолчал, разглядывая ее, погладил по спине и шлепнул по тому месту, где была татуировка. Лала улыбнулась, и Ростер не заметил, как дрожат ее губы. Вязкий туман наполнил ее мысли. Она легла на пирата и медленно провела языком по колючему подбородку к шее. Ростер замычал, крепче схватил ее за бедра. А через три секунды метался среди подушек, разбрызгивая кровь из раны на горле. Булькающий хрип был точно таким же, как он издавал в минуты наивысшего удовольствия. Лала стояла у кровати не моргая. Она ведь ничего не сделала. Она просто захотела, чтоб Ростер сдох, как песчаный шакал. Что это за животное и почему оно вдруг возникло у нее в голове, Лала не знала. И откуда на губах соленая липкая кровь, она тоже не представляла.

Воды в кувшине не было. Пришлось смыть кровь с лица вином — благо капитан любил светлое. Чтобы кое-как одеться и выбраться из замка через заброшенный затхлый лаз, потребовалось времени не больше, чем на чистку одной лошади. Почему она не взяла денег из кошель Ростера и хоть немного еды, Лала задумалась только в лесу.

В кармане пиратского плаща нашелся кисет с трубкой и огнивом да несколько монет. Все. С этим багажом Лале нужно теперь добраться до Этолы и дальше — на запад, где

живут такие, как она. Вдруг они знают, что делать с ее проклятием? Видеть звуки и постоянно быть на грани помешательства — это тяжело. Очень тяжело. Даже когда Асма проткнула ей левое ухо и сделала наполовину глухой в надежде на облегчение страданий, лучше не стало. Лала поплотнее засунула в здоровое ухо восковую затычку, укуталась в сырой куцый плащ и задремала.

Поспать ей не удалось. Костер не грел, плащ тем более, а лесная свежесть превратилась в зябкую сырость. Лала ежилась и ворочалась на примятой траве, отчего заглушка выпала из уха. Тут-то и прокрались под закрытые веки звуки, которые она могла видеть, даже если исступленно зажмуривала глаза. Двойная цепочка вспыхивающих и тут же гаснущих темно-зеленых точек — это пробежала мышь. Сочной бесформенной кляксой густо-серого цвета ухала сова. Шорох листьев виделся сплошной рябью, разбивающей остальные картинки. Еще что-то непонятное, похожее на след брошенного факела — возможно, это крик неизвестного ей лесного зверя.

Лала поспешно стала затыкать ухо, но остановилась. Пульсирующий прозрачный куб по левому краю ее внутриглазной темноты — шаги человека. Она это усвоила, когда еще не знала свойств восковой заглушки. Маленький куб — маленький человек. Но откуда в ночном лесу маленький человек? Лала нащупала палку, которой ворошила костер, и резко обернулась. Невысокая тень опоздала скрыться за елью.

— Я вижу тебя, выходи!

Он и правда был маленьким. Лохматый мальчишка лет девяти в добротном, но жутко грязном камзоле. Сделав несколько шагов из спасительной темноты в круг жалкого света, он остановился.

— Ты кто такой?

— Тиккиндей, можно Тик.

— Что ты здесь делаешь? Только не врать! — голос ее прозвучал рвано и хрипло.

— Я и не собирался... — он на мгновение запнулся, взгляды-
ваясь в лицо под капюшоном, — госпожа. Я просто иду мимо.

— Ночью, один? Где остальные?

— Никого нет со мной, клянусь! Мне кажется, я вообще
уже один на всем свете. Не прогоняй меня, госпожа!

Он так резко упал перед ней на колени, что Лала вздрог-
нула. Плаксивым голосом Тик затынул:

— Пожалей, добрая госпожа! Я голоден и мне страшно!
Папка пьяный был, гнал коня так, что я свалился, а он даже
не заметил! Я не знаю дороги, я не знаю, где искать папку сво-
его, а от голода скоро мои кишки сами себя съедят!

Тут он завыл и стал размазывать по лицу слезы. Лала мол-
ча ждала, пока представление закончится. Ждать пришлось
недолго. Мальчишку словно выключили, он поднялся и удив-
ленно выдал:

— И что?

— Что? — не поняла Лала.

— Тебе меня не жаль? — удивился он.

— Нет.

— Почему?

— А почему я должна тебя жалеть?

— Все дамы жалели, — уверенно сказал Тик.

— Тогда я не дама. — Лала отвернулась.

— Ты детей не любишь?

— Не люблю.

— Почему?

— Не твое дело.

— Мое. Вдруг ты захочешь меня убить и съесть, пока
я сплю.

— Вот и уходи тогда.

Тик вздохнул и сел рядом. Некоторое время они безмолв-
но смотрели на огонь. Мальчик не выдержал первым:

— Дрова сырые. Хочешь, принесу хороших?

— Тут все мокрое.

Тик молча поднялся и ушел. Вернулся он довольно быстро с охапкой сухих тонких веток. Костер пыхнул и затрещал, радуясь лакомству. Хоть Лала ничего и не спросила, мальчик пояснил, что у стволов больших густых елей всегда можно наломать сушняка, даже в ливень. Не дождавшись реакции, он продолжил:

- Голодно. У тебя найдется что пожевать?
- Нет.
- А покурить?

Лала оторвала взгляд от костра и переспросила:

- Курить?
- Ну да.

Она пошарила в карманах плаща и кинула перед Тиком на землю кисет. Тот радостно схватил, умело набил трубку, и через минуту к дыму повеселевшего костра присоединилась витиеватая табачная струйка.

С видом умудренного жизнью мужчины Тик пускал кольца и довольно вздыхал:

— Курево хорошее. От голода помогает. А что сама не куришь?

- Не мое.
- А чье?
- Одного пирата, которому я горло перегрызла.

Тик охнул, поперхнулся и устался на нее.

- Правда?
- Угу. — Лала по-прежнему не отрывала взгляда от костра.

Только тут мальчик заметил, что огонь отражается в ее глазах слишком ярко.

- Ты... ведьма?
- Да, отстань.
- Не-а, ты не ведьма! Ведьмы умеют огонь разводиться, и одежда у них другая. Но ты странная... Куда путь держишь?
- Не твое дело.
- Можно я с тобой пойду? Я полезный.

Лала не ответила. Признание в убийстве Ростера, сделанное вот так спокойно первому встречному, стало зеркалом, в котором она увидела совсем другую, незнакомую себя. Эта новая Лала получила наконец определенную цель и даже сделала первые шаги по направлению к ней. Но осознание непосильной задачи оплетало ее толстой сетью. Мир вокруг замка был не просто новым — он был чужим и непонятным. Лала знала лишь то, что ей нужно в порт Этолы, а оттуда через море на запад, к людям пустыни. Где находится Этола, как туда добраться, как попасть на корабль, как избежать возмездия за совершенное убийство, как добыть пропитание... Слишком много вопросов, на которые у нее нет ответа.

— Эй, где находится Этола?

Тик посмотрел на нее, потом на кусок звездного неба, прикрытого мохнатыми верхушками елей, задумался на секунду и махнул рукой:

— Там.

— Долго идти?

— Пешими дней десять, — ответил он почти мгновенно.

— Отведешь меня туда? — Лала впервые посмотрела на него с интересом.

— С радостью, госпожа. А как величают-то тебя?

— Лала.

— Отведу, госпожа Лала! А ты отдашь мне эту трубку?

— Забирай, — равнодушно позволила она.

— Благодарю тебя, добрая госпожа! На рассвете пойдём.

Тик тщательно выбил трубку, спрятал в один из бесчисленных карманов, подбросил веток в костер и свернулся клубком рядом с Лалой.